

Шевченко А.В. –
докт. полит. наук, профессор,
РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

МОДЕЛЬ СОХРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Исторический анализ модернизации политической системы России указывает на ее цикличность, временную и пространственную незавершенность, технологическую повторяемость (вариативность тактик) в границах стратегий традиционализма – консерватизма – модернизма. При этом сохраняется основное свойство системы – ее устойчивость, т.е. способность в процессе изменения восстанавливать динамические характеристики своего положения во времени и пространстве.

Состояние устойчивости обеспечивается собственными информационно-коммуникативными процессами, происходящими в системе или в среде. Они порождаются внешними условиями (возмущениями) и внутренними свойствами системы. Информационная устойчивость влияет на жизнеспособность элементов во времени (по А. Бергсону – *в длении*) и пространстве. Качественное управление обеспечивает информационную устойчивость системы только при условии согласования «коммуникативных действий» (Ю. Хабермас), определяющих поведение системы и среды, т.е. при умении предвидеть развитие ситуации – просчитывать отклонения от нормативных параметров, фиксировать нарушения ее иерархичности и упорядоченности, создающие дезорганизацию.

Существует множество моделей, в том числе информационно-коммуникативных (и коммуникационных), фиксирующих наблюдаемый при этом эффект маятниковой инверсии, с амплитудой колебаний от национального до цивилизационного [1, с. 126-128]. Предлагается рассмотреть возможность использовать в стратегическом управлении модернизационными процессами циклическую гомеосинергетическую модель информационной устойчивости политической системы [2]. Семантическая формула такой модели выражена конвентом

(согласованным процессом) «самоорганизация – организация – устойчивость». Цикличность проявляется в перманентной смене динамических режимов устойчивости (неустойчивости).

Для построения модели кроме общей теории систем привлекается исследовательские аппараты теории циклов (диалектический принцип единства сохранения и изменения) и гомеостатической теории, позволяющие изучать механизмы динамического постоянства устойчивого развития системы, а также тезаурус синергетической парадигмы, объясняющей влияние на динамику процессов таких явлений как случайность, событийность, спонтанная активность, необратимость. Системный подход объединяет гомеостатику и синергетику в рамках парадигмы отношений, устанавливая равноценность вариативного и нормативного и ограничивая изменчивость существованием устойчивости в рамках целого. Таким образом, определяются мера и граница модернизации или инновирования системы.

Управленческое пространство, в котором «встречаются» стратегические и тактические методы планирования поведения системы, в синергетической парадигме обозначается как перемешивающий слой, характеризующийся неполнотой информации не только для принятия решений управленцем (наблюдателем), но и для развития, становления самой системы. При этом выбор делается по множеству конечных состояний системы. Согласно информационной теории, генерация информации как способ уменьшения энтропии системы (т.е. упорядочения ее структуры) состоит из трех этапов: устойчивого режима, хаоса, нового устойчивого режима [3].

К моделям описания этого процесса, относится, например, диаграмма Ламерея, используемая для одномерных отображений. Имея форму синусоиды, она наглядно демонстрирует циклическую природу трансформации состояний, которая, в свою очередь, позволяет обосновать устойчивость элементов системы. Е.Н. Князева подчеркивает: «Ни одна система не могла бы выжить без способности поддерживать и воспроизводить свое собственное поведение и свою собственную организацию» [3, с. 319]. Самоорганизация невозможна вне «момента цикличности».

Общая теория циклов, не являясь бесспорной, трактует процесс эволюции как колебательный, аналогичный такому же, какой реализуется

в сложном гомеостате при компенсации воздействия внешней среды. По своей природе цикл (ритм) - это структурная единица механизма и формы движения [4]. Цикл позволяет моделировать процесс гомеокинеза как специфическое состояние системы, в котором ее интегральные показатели, при отсутствии изменений внешней среды, колеблются около некоторого среднего положения, оставаясь в определенных рамках [5]. Предлагаемая нами гомеосинергетическая модель позволяет учесть эти особенности и реализоваться гомеостатическому циклу при наличии синергических эффектов, возникающих вследствие изменений системы и среды.

В тезаурусе общей теории циклов следует особо выделить востребованное информационной антропологией и коммуникативной прогностикой понятие «двойной связи» – *нелинейной циклической причинности, неоднозначности и ретроактивности отношения*, устанавливающегося между индивидуальным разумом и средой его активности и коммуникации. Эта теория, разработанная Г.Б. Бейтсоном, имеет общие корни с теориями целеустанавливающего гомеостата У. Эшби и гомеокинеза [6].

Бейтсон показывает, что для устойчивого существования сложных интерактивных систем индивидуального и коллективного разума необходимы определенные доли хаоса, постоянная изменчивость и вариативность отношений, разнообразие составляющих их элементов. Такое структурное меню для системы – обязательный набор факторов и условий, предохраняющих ее структуру от разрушения крупными флуктуациями. «Стабильное состояние и продолжительное существование сложных интерактивных систем зависит от предотвращения максимизации любой переменной, и непрерывное возрастание любой неизбежно приведет к необратимым изменениям системы, которые и ограничат это возрастание, – пишет Г. Бейтсон, – В подобных условиях очень важно позволять некоторым переменным изменяться» [6, с. 155].

Отображение состояния кризиса неравновесной системы как «фаза опасного снижения устойчивости, когда в силу изменившихся условий, наработанные ранее шаблоны жизнедеятельности становятся контрпродуктивными» [4, с. 239], занимает принципиальное положение в модели. Как пишет А.П. Назаретян, «монотонное наращивание

антиэнтропийной активности... накапливает разрушительные эффекты в среде, и рано или поздно прежние механизмы жизнеобеспечения становятся настолько затратными, что угрожает прямой дисфункцией катастрофическим ростом энтропии в самой системе. Закон отсроченной дисфункции гласит, что такая фаза обязательно наступает, и дальнейшая судьба неравновесной системы зависит от того, насколько она готова к изменениям» [7, с. 241].

Полезность приведенных утверждений для прогнозирования политических процессов и управления ими очевидна. Она традиционно используется в двухфазовых циклах политической жизни. Современная политология особое внимание уделяет кульминационной точке цикла – пересечения его фаз, выступающих относительно друг друга как *вызов современности* и *ответ будущего*: «Чем ярче выражена в этой судьбоносной цепи фаза вызова, тем сильнее и неотвратимее она притягивает к себе априорно заданное будущее в виде фазы ответа» [8, с. 52]. В этой «драме», как ее называет А.С. Панарин, есть, на наш взгляд, свои кульминационные моменты – они связаны с граничными, верхним и нижним, пределами амплитуды цикла. Структурная антропология доказала, что применение политических и коммуникативных технологий не может не иметь ограничений или той постоянной (нормы, традиции), относительно которой происходит колебание цикла. Она устанавливается природой человека, его духовной организации и психики, превышение которой ведет к разрушению самого человека.

Согласно законам гомеостатики, процесс самоорганизации в посткризисный (постбифуркационный) период может стать жизнеспособным комплексом, обеспечивающим стабильность и устойчивость, лишь при наличии третьего, примиряющего антагонистов, элемента. Параметрами порядка (факторами), обеспечивающими устойчивость и стабильность системы, выступают информационно-коммуникативные динамические комплексы – политическая идеология, политическая мораль, политическое управление.

Глобальная проблема, ослабляющая устойчивость социальной и политической системы, – общественная деструкция нормы на глубинном, архетипическом уровне, произвольность (а зачастую – произвол) ее установления политической и государственной элитой. В планетарном масштабе это выражается в отрицании гуманистических

основ развития, в отклонении от «нормальной» цивилизованности, ведущей к маргинализации человеческого бытия. В России размах амплитуды колебаний относительно социальной нормы представлен показателями «богатство – бедность», относительно нормы политической власти – «тоталитаризм – государственная аномия». Налицо опасность выхода системы за границы фазового коридора цикла, что может привести к разрушению системы. Следовательно, в прагматическом плане для уменьшения амплитуды колебаний циклов социальных и политических процессов необходимо согласование формы социальной (политической) системы с ее ритмикой (временной динамикой).

Применительно к политике категория цикла нуждается в пространственно-временной интерпретации, поскольку для всех социальных групп единого пространства – времени, структурированного по циклическому принципу, не существует – оно порождается конкретной деятельностью человека. Появилась необходимость в выделении категории «ритм времени» или «цикл времени». Определились «объективно задаваемые (но субъективно творимые) ритмы собственно жизнедеятельности Человека как созидателя и носителя содержания исторического выполнения социальной эволюции. В связи с характером этих циклов может быть установлена относительная обратимость времени, аспект обратимости во времени» [9, с. 4-5].

В частности, хронополитика отмечает растущую ценность *линейного* времени как долговременных кумулятивных процессов (потенциально политически напряженных), статистически выраженных в средней продолжительности жизни, производительности труда, доходе на душу населения. Это *продуктивное* время, в отличие от так называемого *циклического* (на наш взгляд, термин некорректен, поскольку допускает атрибутивную невнятность. – А.Ш.), которое с точки зрения цивилизационного развития рассматривается как «возвращение человечества на круги своя». Циклическое время – время экономических, поколенческих и др. циклов – присутствует в линейном времени. Но «остается фактом, что непрерывные кумулятивные процессы в ряде сфер жизнедеятельности в целом придают им линейный характер. Гибкость общественных структур и открытость системы, допускающей непрерывные мелкие изменения, являются гарантией от взрывов

циклического времени, сменяющего застои неожиданными катастрофами» [10, с. 77].

Как видим, хронополитика, оперируя категорией «линейное время», стремится обосновать необратимость политических процессов, непрерывное поступательное движение в развитии, по «стреле времени». Однако пока бесспорным остается лишь утверждение о кумулятивном эффекте, что подтверждается перманентно обостряющимися конфликтами пространственно-временного характера, отмечаемыми политической теорией и практикой. Это проблема массового общественно-политического креатива (социальное и политическое творчество масс или аномия); это проблема сбалансированности времени различных общественных и политических процессов; это и проблема разрыва между темпами роста притязаний различных групп населения и приращением их реальных социально-экономических властных возможностей и др.

Применение модели в информационно-политической практике позволяет реализоваться гомеостатическому циклу при наличии синергичных эффектов, возникающих вследствие модернизационных изменений системы и среды. Поддерживать динамическое постоянство информационных параметров в зависимости от времени и ситуаций, создавать гомеостаты как устойчивые элементы стабильности – суть управлять информационной устойчивостью политической системы в условиях модернизации.

Литература:

1. Модернизм и традиционализм: проблема ценностного и политического баланса России. Материалы научного семинара. Выпуск №5 (14). – М.: Научный эксперт, 2008. С. 126-128.
2. Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы. – М.: Изд-во РАГС, 2005.
3. Князева Е.Н. Концепции инактивированного познания: исторические предпосылки и перспективы развития / Эволюция. Мышление. Сознание. (Когнитивный подход и эпистемология). - М., 2004.
4. Соколов Ю.Н. Общая теория цикла: проблемы методологии / Циклические процессы в природе и обществе. Вып.1. Ставрополь, 1994;

Он же: Общая теория цикла или единство мировых констант. Ставрополь, 2004.

5. Яковец Ю.В. Предвиденье будущего: парадигма цикличности. - М., 1992.

6. Бейтсон Г.Б. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. - М., 2000.

7. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. – М.: Изд-во МБА, 2013. С. 239.

8. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. - М., 2000.

9. Сайко Э.В. Ритмы, образующие человека, и человек, образующий ритмы // Мир психологии. 2002. №3.

10. Панарин А.С. Философия политики. М., 2000.